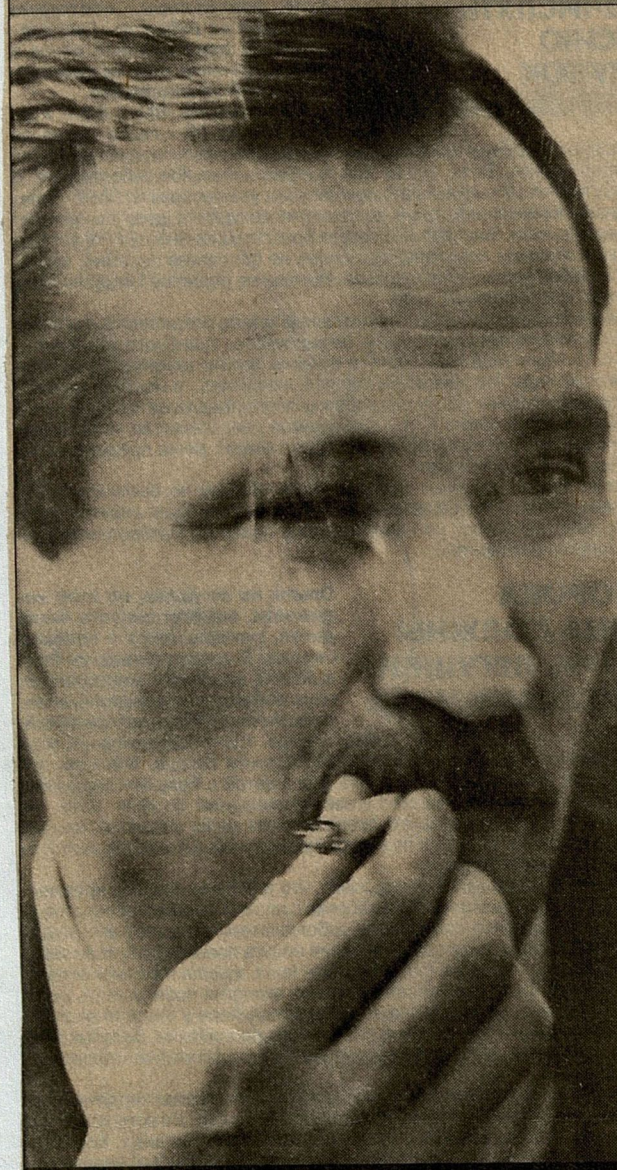

ПЕРСОНА
СУДЬБА

Леонид ФИЛАТОВ:

НЕЛЕНИВЫЙ СМОЖЕТ
ПОБОРОТЬ
ДУРАКОВ-ПРОРОКОВ

В своей новой пьесе «Опасный, опасный, очень опасный» Леонид Филатов заставляет главного героя, безбожника и негодяя де Вальмона, дожить до глубокой старости. В отличие от де Вальмона, созданного пером Шодерло де Лакло. За что такая милость?

Марина НЕВЗОРОВА

— Я недаром поменял гривуазное название романа «Опасные связи» на «Опасный, опасный, очень опасный». Это о Вальмоне. Он смертельно опасен для людей, этот блистательный кавалер, проповедник разврата и вседозволенности. И мне хотелось, чтобы крах его личности — расплата за все содеянное — происходил на наших глазах.

— Но зло притягательно. Обыкновенный человек не плох, не хорош, он живет, повинаясь неписаному закону: будь проще, стань как все. Учат его этой простоте и ТВ, и радио, и газеты, и львиная доля книжного рынка. На что ему опереться? Как осуществить хотя бы попытку стать лучше?

— Понимаете, нельзя вставать в потребительскую позу. Люди неленивые, знающие грамоту, не разучившиеся читать, найдут путь борьбы с телевизором, с шоу-бизнесом, с огромным количеством дураков-проповедников, которые каждый день выступают по ящику и по радио. А кто их спасет? У стада есть пастухи. Пастухи ведут к пропасти. Только если у кого-то проклевнется сомнение: «А может, туда не надо?» — он и не пойдя, сможет спасти самого себя.

— Новая реальность провоцирует смену приоритетов. Как здесь сохранить себя?

— Это не сегодня началось. Давно известно, что деньги — зло. Объективное зло. Они растлевают душу, развращают человека, делают его дураком, негодяем. Но деньги были всегда, и

при этом рождались гении и жили хорошие люди в большом количестве. Нельзя применить такую простую формулу: отключим телевизор, радио, уничтожим газету и сразу станем чище. Ничего похожего. Это всегда индивидуальный труд. Не массовый. Массы можно только научить читать, буквы выучить. А заставить массово думать нельзя.

Другой вопрос — направление. С этим, конечно, беда. Но везде есть ЛЮДИ, везде. Еще живы ортодоксальные советские учителя, которые с некоторой примесью ханжества все-таки сообщают детям нечто важное. Хотя бы про того же Пушкина... К сожалению, безбожие довело нас до многого. Все позволено, все могу — никто же не видит. Видит. Оттуда ОН все видит. На многие десятилетия люди забыли, что их видят каждый день, каждую секунду. Только в какие-то критические моменты вспоминают. «Есть Божий суд!» Когда аргументов не хватает, тогда они к Богу кидаются. Когда плохо — к Богу. Но заблуждаются те, кто думает, что все содеянное ими не аукнется. Мы все получаем то, что заслужили: возмездие или награду. Иногда на земле. Чаше — ТАМ.

Я недавно был у старца и спросил его: «Скажите, сейчас много говорят о конце света. Если не ссылаться на Нострадамуса, есть ли какие-то, хотя бы примерные, даты церковные?» Он на меня посмотрел и сказал: «Так он уже идет. Давно идет». Так что все сходится.

— В заповедях заложены простые и вечные категории, которые современная мораль почему-то стремится уничтожить. Любовь превратилась в занятие, дружба в партнерство...

— Математикой можно заниматься. Баскетболом. А любовью... Лучше уж сказать дурными словами. А то, что любовь исчезла из нашей жизни, это чужь. Ничего не пропало и даже не уменьшилось в количестве. Очень много страдающих от любви людей. Я убежден, знаю просто, что есть

это значит хотеть того, что хорошо для него, даже если он любит другого». Вот что такое любовь.

В юности у меня была такая любовь, как у всех. Красивая девочка в городе Ашхабаде, бесконечные грезы, бесконечные шатания по улице в надежде встретить ее. Потом я уехал в Москву, и как отрезало — ничего уже не хотелось делать во славу ее, даже стихи писать. Задним числом я мог понять, что особенно и не тянуло. В училище появилась другая любовь. В артистку уже известную влюбился. Добивался взаимности. Она вышла замуж. Мне казалось: ну и что? Вышла замуж, теперь может и перевыйти. О чувстве другого человека, конечно, меньше всего заботился. Все добивался, добивался, а когда добился, вдруг выяснилось, что добивался я не ее, а признания Москвы. Я был человек из провинции, жадный до всего, мне казалось, чем больше я нахапаю — это мое, это мое — тем больше я буду признан. В студенчестве еще трудно было удовлетворить свое честолюбие на сцене, а вот чтобы меня любила такая знаменитая девочка...

— А потом?

— А потом пришел на «Таганку» и увидел Нину Шацкую на фотографии в фойе: челка, длинная шея и очень удивленное выражение лица, как будто человек не совсем понимает, куда он попал. Я спросил у кого-то: «Кто такая?» — «Артистка наша» — «Замужем?» — «Замужем» — «За кем?» Мне сказали. Я легкомысленно (не в обиду тому, другому): «Дикий брак». Развивалось все тяжело, украдкой, с бесконечными объяснениями. И ничего не было, кроме ощущения бесконечной нежности и обожания. Дальше не буду рассказывать историю, потому что она уже сто раз рассказана. Скажу только об одной вещи. Мне казалось, что

регали, и никто ничего не говорил. А уж жена-то знала, что дела — хуже некуда. Ей говорили все как есть, иногда с перефразом: и умру через пять дней, и рак у меня. Но хоть бы раз я увидел, что она плачет или что-то в глазах уловил. Хоть бы раз! Вот так, уже на склоне лет, не на своем примере, не на своем нутре я понял, как выглядит любовь.

— А у вас есть собственные заповеди?

— Ну, это очень трудно. Я был бы вруном и кокеткой, если бы сказал: как раз те, о которых мы говорили, — библиейские. Пытался, как могу, быть лучше, но не всегда это выходит. И даже чаще не выходит. Я вообще самоед ужасный. Моей агрессии хватает на пять минут, а потом начинаются терзания, что все можно было бы сделать не так резко. С годами я стал терпимее, потому что понял: жизнь умнее и многообразнее, чем я себе представлял.

— А что в людях не принимаете до сих пор?

— Глупость, трусость, но больше всего — ненадежность и непредсказуемость. Сегодня это модно: непредсказуемый он, загадочный. А я этого терпеть не могу. Никогда не знаешь, что он выкинет, непредсказуемый этот. Больше всего ценю в людях надежность.

— А любите?

— Люблю близких своих, товарищей. Их у меня не так много, но все-таки есть. Кошку Анфиску. Курить. Когда пришел в себя после операции, первое что попросил, — сигарету. Очень люблю цветы. Особенно розы. В детстве, между прочим, сам вырастил необыкновенно большую желтую розу, за которую получил на ВДНХ медаль и грамоту, а потом и путевку в «Артек». Люблю сочинять. Я давно расстался с честолюбием остаться в чьей-то памяти, сердцах и прочей ерундой. Я считаю, что с самого начала надо просто приучить себя к некой скромности, тогда легче будет принимать все происходящее как норму. Я даже когда-то написал:

«Окажись, что я не гений,
Я в тот же миг
от ужаса умру!..»

А потом:

«К стеклу прижался желтый
лист осенний,
И я прочел на бланке:

«Ты не гений!»

Коротенькую весточку с небес.

...И жизнь не перестала

быть желанной

От страшного прозренья моего».

— А без чего вам жизнь кажется невозможной и бессмысленной?

— Главное — это мои родные, моя семья. Это с годами понимаешь. Когда здоров, когда беспечен — это понимаешь как бы литературно. Но биологически, как зверь, только уже пережив кое-что. Если можно было бы за их благополучие, покой и здоровье отдать свою руку или ногу, я бы себя просто по частям роздал.

Я недавно был у старца и спросил его: «Скажите, сейчас много говорят о конце света, есть ли какие-то даты церковные?» Он на меня посмотрел и сказал: «Так он уже идет».

любовь жертвенная, бескорыстная. Отдать и не просить взамен. Такая есть. До сих пор. Да она всегда и будет. Она качественно не меняется, количественно тоже. То же самое можно сказать о дружбе. То же самое можно сказать о чести. В массовом исчислении эти категории как бы теряются. Но ведь настоящего в мире никогда не было много.

— А по-вашему что такое любовь?

— Не у самого моего любимого писателя Чернышевского есть такая фраза: «Любить человека —

за столько лет совместной жизни с Ниной у меня уже сложился какой-то ее облик — и внутренний, и внешний, но никогда не думал, что она сможет возиться с больным, практически неподвижным человеком. Знаете, есть экзистенциальный подвиг: закрыть глаза — и ура! Вперед! А когда это происходит изо дня в день, годы? Из театра ушла. Все время рядом со мной: и дома, и в больничной палате. Более того. Я понимал, что дела мои плохи, человек даже в таком состоянии четко улавливает, что происходит, но меня обе-